ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Пирожкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

«СТРАШНАЯ КНИГА» Ю.Ф. САМАРИНА («ОКРАИНЫ РОССИИ» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННИКОВ)

Статья посвящена остзейскому вопросу, впервые в русской печати поставленному известным славянофилом Ю.Ф. Самариным в книге «Окраины России» (1868–1876). Книга выходила отдельными выпусками за границей — напечатать ее в России было невозможно: автор осуждал немецкое дворянство за насильственную германизацию латышей и эстов, а русское правительство — за потворство такой политике. Автор получил за «Окраины...» выговор от императора Александра II, как и журналисты, поддержавшие позицию Самарина (И.С. Аксаков, М.Н. Катков). Частичная реализация идей Самарина о проведении в Остзейском крае реформ, аналогичным тем, что были в России, стала возможной только в конце 80-х гг. XIX в., в царствование Александра III.

Ключевые слова: *остзейский вопрос, латыши, эсты, прибалтийские немцы, окраины.*

Tatiana F. Pirozhkova, Doctor of Philology, Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ruslit.msu@yandex.ru

"TERRIBLE BOOK" BY YU. F. SAMARIN ("OUTSKIRTS OF RUSSIA" AS SEEN BY CONTEMPORARIES)

The article is concerned with the Baltic issue first raised in Russian print publications by the famous Slavophile Yu.F. Samarin in his book "Outskirts of Russia" (1868–1876). The book was issued abroad: it was impossible to publish it in Russia as its author condemned the German nobility for the forcible Germanization of Latvians and Aesti and the Russian government – for connivance to this policy. The author was reprimanded by Emperor Alexander II for his "Outskirts of Russia", and so were the journalists who had supported Samarin's ideas about implementing in the Baltic region the same reforms as in Russia. These ideas were partly realized only at the end of the 1880s, during the reign of Alexander III.

Key words: *Baltic issue, Latvians, Aesti, Baltic Germans, outskirts.*

Во второй половине 1860-х и в 1870-е гг. внимание русской, прибалтийской и немецкой прессы привлек остзейский вопрос — в связи с выходом нескольких выпусков книги Ю.Ф. Самарина «Окраины России»[1]. Честь постановки в печати этого вопроса принадлежит именно ему – выдающемуся публицисту славянофильского направления.

На современников книга произвела ошеломляющее впечатление: «...Самарин выпустил за границей «страшную» книгу против остзейских немцев. Книга называется "Русские окраины"[2]». Она воспринималась как «страшная» по своей разоблачительной сути: автор осуждал прибалтийское немецкое дворянство за насильственную германизацию местного населения — латышей и эстов — и русскую высшую администрацию за потворство такой политике, за нежелание решать проблемы, возникающие на русских окраинах (крестьянские, земские, судебные).

Остзейскими делами Самарин впервые заинтересовался в 1847 г., когда он, чиновник Министерства внутренних дел, был отправлен в Ригу в составе комиссии Я.В. Ханыкова для ревизии ее городского управления. Свое возмущение равнодушием русского правительства к судьбе латышей и эстов, угнетаемых немцами в Прибалтийском крае (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губернии), он выразил в сочинении «Письма из Риги», где впервые поднял остзейский вопрос.

Комиссия Ханыкова обнаружила в городском хозяйстве города Риги множество злоупотреблений, исправлять которые никто не спешил: отчет комиссии впоследствии обретет «тихую и безмятежную кончину»[3] в недрах Министерства внутренних дел.

С рукописным вариантом «Писем» Самарин ознакомил свое окружение в Петербурге и Москве (А.С. Хомякова, Аксаковых, Свербеевых, министра внутренних дел Л.А. Перовского, московского митрополита Филарета и других). Таким образом, печатному обсуждению «Окраин...» в 1860–1870-е гг. предшествовало устное бытование «Писем из Риги», навлекшее на автора недовольство прибалтийского генерал-губернатора А.А. Суворова (1848–1861) – внука знаменитого генералиссимуса А.В. Суворова, активного защитника интересов немецкого дворянства: по его доносу в марте 1849 г. Самарина арестовало III отделение, а вслед за ним и И.С. Аксакова, обсуждавшего случившееся с Самариным в своих

письмах к родным. Около двух недель автор «Писем из Риги» провел в Петропавловской крепости и был отпущен только после личной беседы с Николаем I. Царь остался доволен разговором — благонамеренность Самарина была вне подозрений: сын бывшего шталмейстера (чин придворный), крестник самого императора Александра I, отличный чиновник. «...искренность и намерения провинившегося остались незаподозренными», — напишет Самарин впоследствии[4].

С Иваном Аксаковым, который тоже был на прекрасном счету в Министерстве внутренних дел, обошлись строже: III отделение предложило ему ответить на двенадцать вопросов – ответы прочел Николай I и некоторыми остался недоволен, сделав на полях замечания. После ознакомления с ними и соответствующих внушений Ивана Аксакова отпустили на свободу, но взяли под полицейский надзор. «Письма из Риги» он сможет опубликовать только в 1882 г., уже после смерти автора, в своей газете «Русь». Под подозрением оказались и домашние Ивана Аксакова: «Из ответов родителя и брата Вашего Константина на письма Ваши о Самарине видно, что они вполне разделяют негодование Самарина против немцев в России...»[5].

Можно сказать, что остзейская тема волновала Самарина на протяжении всей его жизни (последний, шестой выпуск «Окраин России» вышел уже после его кончины), хотя после ареста Самарин несколько лет не возвращался к остзейскому вопросу, однако не из-за боязни правительственных санкций, а из-за крайней занятости делами: с осени 1849 г. он – чиновник особых поручений при киевском генерал-губернаторе, начальник его канцелярии (служба, не оставлявшая времени для других занятий). И даже желанный выход в отставку в 1853 г. не принес облегчения: после смерти отца, как старший сын, Самарин вынужден был заниматься хозяйством в самарских губерниях; в период подготовки крестьянской реформы в 1858 г. его призвали членом от правительства в Самарский губернский комитет по крестьянскому делу; в 1859 г. — членом-экспертом в Редакционные комиссии; после освобождения крестьян в 1861–1863 гг. он принял на себя обязанности члена от правительства в Самарском губернском по крестьянским делам присутствии, одновременно сотрудничая в газете Ивана Аксакова «День»; в 1864 г. участвовал в проведении крестьянской реформы в Царстве

Польском. Наконец, исполнил нравственный долг перед умершим другом: в 1864 г. издал в Брюсселе на английском языке брошюру А.С. Хомякова о церкви, а в 1868 г. в Праге выпустил II том Полного собрания его сочинений (богословских) со своим обширным предисловием.

И в том же 1868 г. Самарин вновь возвратился к остзейскому вопросу, напечатав два выпуска «Окраин России», произведших такое исключительное впечатление на современников (см. начало статьи). Дело в том, что со времени его «Писем из Риги» положение дел в Прибалтийском крае не изменилось, а обрело еще бóльшую остроту в связи с правительственной политикой Александра II, состоявшей, по словам Самарина, в «систематическом давлении внутри» (внутри страны. — *Т.П.*) и в «послаблении на окраинах»[6].

Царское правительство обнаруживало удивительную уступчивость по отношению к балтийцам: в Остзейском крае действовал уникальный способ утверждения законов — минуя Государственный совет, Высочайшие повеления позволялось не исполнять. В начале 1850 г. было приказано в трех прибалтийских губерниях служебную переписку вести на русском языке, но «никто в продолжение 17-ти лет не шевельнул пальцем для исполнения Высочайшей воли»[7].

Крестьяне в крае, освобожденные без земли, были лишены тех прав, которые после 1861 г. имели крестьяне в остальной России, — на это русское начальство закрывало глаза.

В русской прессе в одном только 1864 г. вышло 96 материалов, касающихся различных недостатков в Остзейском крае. Но чтобы выпустить книгу, критиковавшую политику русского правительства и вероломство немецкого дворянства, – на это никто, кроме Самарина, не осмелился. Издать «Окраины России» на родине автора было совершенно невозможно — они появились в Праге.

Как известно, русские овладели Прибалтикой в результате Северной войны. Шведы покинули завоеванную территорию, остались составлявшие меньшинство населения немцы — в 1860-е гг. 130–200 тысяч человек. Еще при Петре I в 1712 г. немецкое дворянство обеспечило себе безбедное существование особыми «привилегиями», «пунктами» или «кондициями», которыми сохранялась в неприкосновенности исстари сущест-

вующая система управления и судопроизводства, употребление в крае немецкого языка, свобода лютеранского вероисповедания и пр. Местное население, т.е. латыши и эсты, в 1819 г. благодаря крестьянской реформе, проведенной за сорок с лишним лет до России, получили личную свободу, скорее номинальную, чем на деле, поскольку действовали различные ограничения, например запрет крестьянам покидать губернию, к которой приписаны.

Освобождение было проведено без земли, поэтому крестьяне влачили незавидное существование батраков на чужой ниве. Помещик мог отменить барщину и заменить ее денежным оброком, мог отобрать усадьбу у крестьянина, передать ее другому или поселить в ней людей немецкого происхождения[8].

Защитников у крестьян не было. Если они и появлялись, то их усилия немецкое рыцарство, державшее в своих руках решение крестьянских дел, сводило на нет. Самарин в «Окраинах» рассказал о брошюре, появившейся в 1863 г. в Лейпциге, «Мекленбург в Курляндии» (Mecklenburg in Kurland). Автор Отто фон Рутенберг обращал внимание читателей на то, что в Курляндии систематически отбирались усадьбы у крестьян. Брошюра моментально исчезла из обращения, став почти библиографической редкостью. Но она стала известна редактору «Санкт-Петербургских ведомостей», который на основе ее материалов приготовил статью, но напечатать ее не смог: министр внутренних дел потребовал от редактора «не возбуждать в русской публике неблагоприятных толков о Балтийском крае»[9].

Даруя в свое время привилегии землевладельцам, Петр I сделал оговорку о том, что их сохранение зависит от усмотрения русского самодержца, и «кондиции» поддерживались русским правительством на протяжении всего XVIII в., но в XIX в. Александр I внес уточнение о том, что привилегии не должны входить в противоречие с действующими на остальной территории России законами.

Однако немецкие землевладельцы эти оговорки игнорировали, считая, что гарантии даны им навечно. Иван Аксаков в передовой статье газеты «День» от 27 ноября 1865 г. насмешливо отзывался о «готических формах жизни», сохранившихся в этом крае, который является «музеем исторических редкостей социального и общественного устройства»[10].

Немецкие дворяне забеспокоились только после отмены крепостного права в России: вдруг крестьянская реформа распространится на Лифляндию и Эстляндию (как в 1864 г. случилось в Польше). Вдруг освобождение будет проведено с землей, как в России и Польше, вдруг размер оброка будет установлен законом и его зафиксируют в уставных грамотах (как в России). Пугала их и земская реформа, проводимая в России, в случае ее осуществления в Прибалтике немецкие помещики должны были обсуждать вопросы местной жизни вместе со своими батраками, а судебная реформа, также крайне нежелательная, привела бы к прекращению административно-судебной власти над крестьянством. Немецкое дворянство не хотело отказываться от сословного суда, поэтому, по словам Самарина, «местные юристы отнеслись к нашим судебным уставам с высокомерным пренебрежением»[11] — что хорошо для русских, не годится для немцев.

Ненавидя русскую власть, от которой прибалтийские немцы находились в зависимости, и опасаясь ее реформаторских намерений, они заискивали перед этой властью без всякого чувства меры: в июле 1862 г., когда Александр II с супругой и наследником престола цесаревичем Александром совершали путешествие по Прибалтике, в Кокенгаузене (ныне Кокнесе в Латвии) немецкие дворяне для встречи соорудили триумфальные ворота, палатки в парке для угощения, а на станции императорскую семью ожидала карета, которой управлял взобравшийся на козлы в качестве кучера барон Липгардт[12], — сцена вполне в опереточном духе.

Однако русское правительство совсем не желало торопить события в остзейских губерниях и насильственно перестраивать исторически сложившиеся здесь порядки, оно проводило пронемецкую политику, стремилось сохранить в неприкосновенности частную земельную собственность, дабы обеспечить лояльность прибалтийского дворянства, — в ущерб коренному населению. В дневнике П.А. Валуева, бывшего министра внутренних дел (с апреля 1861 до марта 1868), в прошлом курляндского губернатора (1853–1858), имеется обстоятельное объяснение сложившегося в Остзейском крае положения и отношения русского правительства к нему: «Само правительство, как будто по небрежности <...>, признавало за прибалтийскими губерния-

ми атрибуты автономии гораздо большей, чем та, которая по закону принадлежала местным сословиям и допускала между означенными губерниями взаимную связь и солидарность, для которых закон не представлял никакого основания. Каждая из этих губерний составляет особняк по своим административным и даже судебным учреждениям, и в каждой из них дворянство, городские сословия и крестьяне равным образом составляют особняки. Связь между разными сословиями обозначается только присутствием одного депутата рижского магистрата на лифляндском ландтаге, а связь между губерниями заключается в одном лице русского ген<ерал>-губернатора края. Наконец, правительство оказывало официальным представителям местного дворянства в лице его предводителей неправильное и нерассудительное предпочтение в отношении к представителям русского дворянства. <...> Допускавшиеся прежде различия, с одной стороны, возбуждали справедливое недовольство русских, с другой — увеличивали самоуверенность и притязательность прибалтийцев»[13].

Русское правительство, напуганное в XIX в. двумя польскими восстаниями, боялось возникновения на прибалтийской окраине «второй Польши», а потому стремилось сохранить status quo и запрещало обсуждение остзейских дел в русской печати. «...немцев касаться нельзя и за версту, а они ругаются по-прежнему», — сообщал Иван Аксаков Самарину еще в 1864 г.[14] В редких случаях в газете «День» Аксакову все-таки удавалось преодолевать этот запрет[15]. А в 1867 г. немцы и их поверенные в Петербурге добились запрещения газетам «Москва» (редактор Аксаков) и «Московские ведомости» (издание М.Н. Каткова) «перепечатывать и комментировать статьи из остзейских газет»[16]. Действительно, в марте 1867 г. газета «Москва» получила третье предостережение за остзейскую статью Самарина[17] — лучше всякого обсуждения было молчание.

При таком ущемлении прессы русское общество в целом было недостаточно информировано о происходящем на прибалтийской окраине, а та его часть, которая знала о привилегиях немцев, выражала недовольство особыми порядками, царившими в крае, несоответствием «кондиций» общеимперским законам. В обращении «К читателю» своей книги Самарин раскрыл цель ее написания: «Дать возможность моим соотечественникам, по край-

ней мере, тем из них, которые бывают за границею, узнавать об окраинах России то, чего им не говорят дома и о чем им не позволяют говорить»[18].

Поэтому издание в Праге в 1868 г. двух выпусков «Окраин России» Самарина стало сенсацией. «...внимание всей России приковано к этой книге», — писал Иван Аксаков[19].

Как и царское правительство, Самарин тоже опасался «второй Польши»: свидетель двух польских восстаний, он осенью 1864 г. с опасностью для жизни, поскольку не все повстанческие отряды сложили оружие, объезжал сельские местности Польши и принял участие в проведении крестьянской реформы в интересах польских земледельцев. В Лифляндии подобные изменения грозили социальным взрывом — кто бы из немецких дворян добровольно уступил землю батракам?

Но Самарин с его умом и опережающим видением событий замечал то, что не видело русское правительство (или не желало видеть): агрессивность прибалтийских немцев, поддерживаемых немецкоязычной прессой, которая взывала к общественному мнению Пруссии в надежде на ее поддержку землякам против русского «нажима». Свои опасения он выразил с предельной ясностью: «...общественное мнение в Пруссии признало остзейский вопрос как *свой* вопрос и как законный предлог к вмешательству с ее стороны»[20].

В 1860-е годы Германия находилась в периоде объединения, и в берлинской палате депутатов канцлер Бисмарк прямо высказывался в том смысле, что немецкая земля всюду, где живут немцы. Самарин предупреждал своими «Окраинами...» о возможной и нежелательной перспективе развития событий, отторжения Лифляндии и Эстляндии от России, возникновения на месте трех прибалтийских губерний нового независимого немецкого государственного образования — «остзейской Финляндии»[21]. И это невзирая на то, что прибалтийские губернии не были немецкой землей и большинство населения совсем не немцы ни по происхождению, ни по симпатиям. Самарина удивило, и он написал об этом в «Окраинах...», что при политике онемечивания латышей и эстов, активно проводившейся дворянством, народные массы на окраинах «всё еще за нас», простой народ всё еще ожидает улучшения своего положения от русского царя.

Более того, в конце 1860-х гг. началось переселенческое движение из Остзейского края в Россию. Аксаков в передовой ста-

тье газеты «Москва» от 8 октября 1868 г. перепечатал сообщение из «Санкт-Петербургских ведомостей» о прибытии из Эстляндской губернии эстонцев, которые с разрешения русских властей решили поселиться в Симбирской губернии и на Кавказе[22].

Кроме латышей и эстов в Прибалтике жили и русские, положение которых было незавидным. В «Окраинах...» сообщалось, что, к примеру, рижские граждане русского происхождения жалуются «на систематическое их устранение от общественных должностей» (с 1847г. «ни один русский не удостоился выбора в должность»), купцов и мещан немцы держат «в черном теле», при малейшем столкновении с властями нельзя найти «поддержки нигде и ни в ком», русские гимназии «влачат плачевное существование», русский язык не введен в учебных заведениях и в присутственных местах, и вся балтийская интеллигенция решительно противится его преподаванию[23].

Александр II неоднократно выражал недовольство тем, что «Окраины...» напечатаны за границей, но опубликовать такую книгу в России не было никакой возможности. Если бы произведение появилось в России, то согласно цензурным правилам от 6 апреля 1865 г. автор не избежал бы суда.

За год до выхода книги Самарина Александр II высказал раздражение полемикой в русской прессе по прибалтийскому вопросу, заявив через инспирированную им статью в «Северной почте» от 9 ноября 1867 г. (написана П.А. Валуевым) о том, что диспут не отвечает «видам правительства», которое не преследует целей насильственно переустроить традиционно сложившийся порядок в Прибалтике. Как видим, министр через официальную газету Министерства внутренних дел прямо заявил о том, что никаких реформаторских намерений в отношении Остзейского края русское правительство не имеет. Статья, по мнению ее автора Валуева, «имела целью, с одной стороны, приостановить поток враждебной Прибалтийскому краю полемики в наших газетах, с другой — несколько успокоить взволнованные этою полемикой умы немецкого населения края»[24].

Вопрос, обсуждение которого следует прекратить, по мнению министра внутренних дел, вновь поставил Иван Аксаков, не только перепечатав статью «Северной почты» в газете «Москва»[25], но в своей передовой статье выразив несогласие с ней: полемика может

прекратиться только устранением «тех жизненных условий, которые производят эти прискорбные столкновения неприязни племенной и сословной».

Аксаков гордился ответом властям, Самарину он писал: «Надеюсь, что ты прочел мою статью в ответ «Северной почте» и оценил ее ловкость. По части ловкости самохвальство мне противно. Без шуток, было трудно, при всей нашей обстановке, удержать за русскою печатью честь последнего слова, и вопрос, снятый с поля, поставить вновь. Ни одна русская газета, ни «М<осковские> вед<омости>», не отвечали «Северной почте», но все притихли. Моя статья имела успех. Она взбесила Валуева, но придраться к ней не было возможности»[26].

Наступившее в печати безмолвие взорвалось книгой Самарина. Те, кто познакомился с ней осенью 1868 г., считали ее «страшной», не читавшие жаждали прочесть. А.В. Никитенко в дневнике после ее прочтения 28 октября 1868 г. записал: «Эта книга доказывает, что и у нас есть люди, хотя их и немного, с государственным умом и характером. Вещь очень умная и написана прекрасно, то есть без аффектации, убедительно и красноречиво»[27].

Но были и другие отзывы. Министр юстиции К.И. Пален принялся сочинять специальную записку, увидев в произведении Самарина отрицание «всей вообще системы управления окраинами»[28]. Великий князь Константин Николаевич записал в дневнике: «Читал «Окраины России» Самарина. Просто ужасно! И это считают памфлетом»[29]. Книга была написана так горячо и страстно, что памфлетом ее считал и известный историк Б.Н. Чичерин[30]. Он нашел даже аргументы для оправдания немцев: «Тут упускается из виду вся оборотная сторона дела: особенность положения немцев в крае, естественная привязанность к унаследованным от предков правилам, составляющим для них единственную гарантию независимости, необходимость крепко держаться друг за друга и вытекающее отсюда нежелание впустить к себе произвол русского чиновничества и податливость русского люда, невозможность, наконец, действовать на самодержавное правление иначе, как окольными и часто темными путями»[31]. «Всё это, — продолжал Чичерин, — с неподражаемою силою и изяществом было высказано Самарину общею нашею приятельницею, баронессою Раден...»[32] (фрейлина великой кня-

гини Елены Павловны, по происхождению прибалтийская немка. — *Т.П.*). Ситуация с Раден накалилась, была чревата осложнениями, и Самарин «протянул ей руку»: «В его благородном сердце не было места для мелкого самолюбия»[33]. Но Самарин продолжал свое дело, печатал и дальше очередные выпуски «Окраин...» (и только смерть остановила его перо), а баронесса Раден вынуждена была читать горькую правду о прибалтийских немцах.

Первыми на выход книги откликнулись «Московские ведомости»[34] — в передовой статье 5 сентября (автор неизвестен — А. Моллер? М.Н. Катков?) газета обращала внимание читателей на только что вышедшее за границей «замечательное сочинение, которое должно бы стать настольной справочной книгой у всякого добросовестного русского деятеля в Балтийском крае»[35]. В этой и последующих передовых газеты приводились обширные выдержки из первого выпуска «Окраин России».

«Убедительно тебя прошу молчать и молчать. <...> «Москва» уж довольно терпела за меня», — просил автор Аксакова[36], имея в виду третье предостережение, полученное газетой в конце 1867 г., и приостановку издания на три месяца.

Однако Аксаков не последовал дружескому совету и в сентябрьских и октябрьских номерах «Москвы» восторженно отзывался об «Окраинах...», выход которых считал «истинным событием в нашей общественной жизни» и «гражданским поступком» ее автора, приводил обильные цитаты из книги, критиковал Вольдемара фон Бока, активного защитника немецких привилегий в крае в книге «Лифляндские вклады» («Livländische Beiträge»)[37].

Аксаков прямо заявил, что иноплеменные пришельцы сохраняют крепостное право вопреки воле Царя-Освободителя, здравому смыслу и христианскому учению, что проведенное там освобождение без земли привело к еще большему порабощению крестьян. «...мы ратуем за одинаковое решение крестьянского вопроса по всей России». Россия призывает Прибалтийский край «к признанию национальных прав туземного населения, составляющего большинство в крае и в течение шести веков протестующего против насильственного онемечения...»[38]. Если выпуск «Окраин...» Аксаков назвал «гражданским поступком» их автора, то его выступления в газете с защитой книги, с обильными цитата-

ми из нее, с разъяснением ее смысла можно назвать гражданским делом журналиста.

«...власти в Петербурге стали в тупик. Книгу они еще только предполагали запретить, как тут в "Моск<овских> вед<омостях>" и в "Москве" появились, да в несколько приемов, пространнейшие из нее выписки», — спешил сообщить Аксаков из Москвы находящемуся в Самаре автору[39]. «Впечатление, производимое выписками из твоей книги на публику, огромное; я знаю это, потому что редакцию просто осаждают вопросами, где можно достать книгу, хоть за какие бы то ни было деньги»[40]. Аксаков передал Самарину мнение о его книге министра иностранных дел А.М. Горчакова, который посчитал ее выход «событием», благодаря Самарину он на многое взглянул иначе и целиком принял «мысль о необходимости подчинить ход балтийских дел общему, а не исключительному, установленному порядку...»[41].

Но другой министр — внутренних дел, осенью 1868 г. уже бывший, П.А. Валуев, высказался о книге Самарина резко отрицательно: он считал «Окраины...» направленными лично против него и проводившейся в Прибалтике политики, видел в высказываниях Самарина чуть ли не намеренное искажение истинного положения вещей, за которое признавал себя ответственным лишь отчасти, перекладывая вину на правительство: «Правительство знает, что всё, что и в книге, и в газете могло бы быть отнесено ко мне, или неправда, или было делом власти высшей, или есть прямое последствие тех самых условий нашего государственного и правительственного быта, которых я никогда не был защитником. Оно знает это — и молчит»[42].

Суждение Валуева о «неправде» самаринской книги опровергается мнением князя Д.А. Оболенского, сенатора, в 1870–1872 гг. занимавшего должность товарища министра государственных имуществ: «С тех пор как я по Министерству государственных имуществ постоянно нахожусь в сношениях с тем краем и участвую в разрешении этих вопросов, до того края относящихся, то убедился, что Самарин писал в своих письмах («Письмах из Риги». — *Т.П.*) и в своих «Окраинах» не только не преувеличенно, но, скорее, ослабленно против действительности, все предубеждения и предсказания его о значении остзейского вопроса есть чистая истина. Я уже, кажется, сказал, что бездарность правительства для внутренних дел относительно безвред-

на, но по отношению к окраинам все его ошибки горько отзовутся нам в будущем»[43].

Книга Самарина ошеломила современников смелостью высказанных в ней мыслей; Ф.И. Тютчев, возглавлявший Комитет иностранной цензуры, ожидал ответных мер правительства против печати, поскольку власть была не готова предоставить ей такую свободу высказывания[44]. Он тревожился не напрасно: 20 ноября 1868 г. тогдашний министр внутренних дел А.Е. Тимашев вынес на рассмотрение Совета министров записку «О злоупотреблении печатным словом», где выразил свою озабоченность состоянием дел в прессе: в ней «имели и имеют место явления, не согласные с условиями нашего государственного строя и выходящие из пределов дарованного ей права обсуждения дел общественных», ибо пресса присвоила себе «роль высшего общественного суда над достоинством и личными свойствами непосредственных органов державной власти»[45].

Книгу не допустили в продажу в России, но запретить выписывать ее через книгопродавцов власти не могли, а поскольку «впечатление (от «Окраин...». — *Т.П.*) было сильное, нечто вроде откровения»[46], то от желающих ее приобрести не было отбоя: «Не проходит дня, — сообщал Тютчев, — чтобы я не подписывал около сотни разрешений»[47]. Получив позволение, желающий приобрести «Окраины...» отправлялся к книготорговцу, который и заказывал их за границей. П.А. Валуев причину успеха книги видел в действиях журналистов: «Журналистика подняла шум»[48] (цитаты, перепечатки крупных отрывков), но интерес был вызван той правдой о крае, которая в ней содержалась. «Вещь очень умная и написана прекрасно», — считали читатели. Автора называли человеком «с государственным умом и характером»[49]. Успех книги был неожиданным для самого автора.

С книгой познакомились царь и придворные круги. О реакции Александра II узнаем из письма Аксакова к Самарину от 11–12 октября 1868 г.: московский генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков вызвал к себе Аксакова и передал ему желание государя, чтобы он, Аксаков, и Катков «воздержались от нападений на немцев...»[50]. И министр внутренних дел Тимашев в письме к Долгорукову просил о том же — в противном случае грозил принять «строгие и решительные меры» против журналистов[51]. После такого окрика верховной власти Аксаков вынужденно прекратил печатание в «Москве» извлечений из книги Самарина.

В Москву из Самары вызвали и автора, и князь Долгоруков довел до его сведения недовольство царя появлением книги за границей (тогда как в России напечатать ее не представлялось возможным), но поскольку мнение царя не содержало требования прекратить издание, Самарин в декабре 1870 г. отправил в Берлин для печатания третий выпуск «Окраин...»[52].

Книга вызвала «бешеный лай немецкой печати»[53]. Уже в сентябре 1868 г. в Баден-Бадене вышла по-французски напечатанная брошюра: Lettre à Mr. J.Samarine sur ses brochures: Окраины России. Baden-Baden. 1868. — 24 pp.; 2-ème ed. Berlin: Librairie B. Behr (E. Bock). 1869 [Письмо г. Ю. Самарину по поводу его брошюр «Окраины России», фр.]. Брошюру, содержащую ожесточенную критику книги Самарина, выпустил анонимно русский поверенный в Веймаре, остзейский барон Ф.К. фон Мейендорф, о чем сообщил Аксакову Тютчев[54]. Автор «Окраин...» ответил Мейендорфу[55].

Брошюра Мейендорфа, крайне недобросовестная, содержала инсинуации, ловко подтасовывала выражения: Самарин призывал «поставить на ноги народные массы» — экономически, Мейендорф уверял, что автор намеревался взбудоражить, «поднять массы»; Самарин изображен Мейендорфом карбонарием, революционером, членом партии, мечтающей устроить общественно-политическую жизнь России на иных, чем самодержавие, основаниях — «иначе» (фр. ailleurs), что совершенно не соответствовало действительности.

Вице-президент лифляндского гофгерихта (высшего суда) Волдемар фон Бок, ярый защитник привилегий балтийского дворянства, выступил с серией публикаций под названием «Livländische Beiträge zur Verbreitung grundicher Kunde von der protestantischen Landeskirche und dem deutschen Landesstaate in den Ostseeprovinzen Russlands, von ihrem guten Rechte und von ihrem Kampfe um Gewissensfreiheit Erster Beitrag». Berlin: Stike 8 von Muyden, 1867 (в переводе Самарина «Лифляндские вклады»). В 1869 г. в Лейпциге публикация «Лифляндских очерков» была продолжена. В них выражено такое недовольство русским правительством, если оно пожелает приведения местного, остзейского законодательства в соответствие с общеимперским, что прибалтийское дворянство поспешило отмежеваться от заявлений фон Бока: он угрожал отложением Прибалтийского края от

России. Автор проговорился, обнародовав то, о чем немцы мечтали.

Подтвердилась правота Самарина, предупреждавшего своей книгой, что в Прибалтике «пахнет гарью», там накопились «горючие материалы», то есть «силы прямо нам враждебные», с тою именно целью вышколенные, чтоб обращать в наступательное против нас орудие всякую нашу ошибку». А иногда в Европе немцы распускают небылицы и вымыслы о России, которые принимаются там за правду[56], разжигаются международные страсти, раздаются обращенные к Германии просьбы о «заступничестве за ее будто бы обижаемых единоплеменников». Реальной была перспектива очутиться «на скамье подсудимых перед трибуналом Европы»[57].

Имелись, кроме Мейендорфа и фон Бока, и другие отклики на книгу Самарина в немецких газетах «Unsere Tage», «Augsburger Allgemeine Zeitung», на которые отозвался Аксаков в газете «Москва»[58].

В отместку прибалтийские немцы стали грозить редактору «Москвы» судом за «Альшвангенское дело»[59]: в казенных имениях Алшвангенской волости в Курляндии немецкое начальство очень жестоко обошлось с латышами — из-за неурожая крестьяне оказались не в состоянии вовремя заплатить долг казне и отправили в Петербург просьбу повременить с выплатой, но, не дожидаясь ответа из министерства, немцы стали описывать имущество бедняков, чтобы продать его для погашения долга. Аксаков происходящее в Алшвангене сделал достоянием гласности[60]. Суда, которым грозили ему за публикацию, он не опасался — достоверность информации была подтверждена петербургским следователем. Парадоксально, что русскому журналисту немцы угрожали судом за свои противоправные действия.

В мае 1869 г. против «Окраин...» выступил Карл Ширрен, преподаватель в 1863–1869 гг. русской истории в Дерптском университете. Он выпустил в Лейпциге брошюру «Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin von C. Schirren». Leipzig: Verlag von Duncker 8. Humblot, 1869 («Лифляндский ответ господину Юрию Самарину Карла Ширрена»). По словам Самарина, Ширрен «довел до крайних пределов возможного противопоставление местных взглядов государственным принципам и интересам», и автор «Окраин...» вынужден был вновь разъяснять, какие

взаимоотношения должны существовать между провинцией и центром[61].

В 1872 г. вышел третий выпуск «Окраин...», через два года, в 1874 г., напечатан четвертый выпуск, далее последовал пятый, наконец, в начале 1876 г., незадолго до своей смерти, Самарин прибыл в Берлин, намереваясь издать шестой выпуск (выйдет после его кончины).

Прибалтийские немцы по-прежнему «прикидывались несчастными жертвами русской (славянофильской. — *Т.П.*) партии»[62], очень надеялись, что Александр II ее приструнит: книга вышла из славянофильской среды, журналист, поддержавший ее в газете «Москва», тоже славянофил.

И правительственная власть, как видим, приструнила не немцев, а именно «русскую партию»: «Окраины...» не допустили в продажу, автору — выговор от императора, органам печати, поддержавшим его идеи, – запрет вести полемику с немецкой прессой прибалтийских губерний, запрещение цитировать книгу, дабы ослабить ее воздействие на общество.

Самарин написал книгу — предупреждение: правительство в 1860–1870 гг. считало главным вопросом балканский, главным врагом — Турцию. Самарин же своей книгой объявлял: враг не только на востоке, но и на западе, где немцы ущемляют права большинства местного прибалтийского населения — латышей и эстов, а также русских, там проживающих. России необходимо «не спускать глаз» с балтийской окраины, сдерживать амбиции немецкой партии в этом крае и ее защитников в Петербурге, в интересах коренных жителей нужно провести реформы (земельную, земскую, судебную), аналогичные проведенным в России.

Правительство Александра II к рекомендациям Самарина не прислушалось. Как уже было отмечено нами, министр внутренних дел в 1867 г. успокаивал немцев: никаких реформ в Прибалтике не будет. Их и не было. Неосторожный Самарин своей книгой нарушил тишину, если бы в тишине правительство нуждалось для реформирования, ничто не мешало к ним приступить — прессу приструнили, наступило благословенное для властей молчание. Прошло три года. В обращении «К читателям», предваряющем третий выпуск «Окраин...» (1871), автор с прискорбием констатировал: «Твердой инициативы со стороны правительства не видно ни в чем и теперешняя его программа дейст-

вий (буде таковая имеется) по-видимому заключается в систематическом воздержании от всякого серьезного действия». Русский язык в делопроизводство не вводился, что касается судебной реформы, то она «спит непробудным сном в Министерстве юстиции», «вопроса о крестьянах никто и не думает возбуждать»[63].

Цесаревич Александр, наследник престола, был внимательным читателем самаринских статей об остзейских делах в газете «Москва»[64] и, разумеется, книги «Окраины...». На него сведения, сообщенные Самариным, произвели «ужасное впечатление», обвинения в адрес русского правительства он считал «сильными и справедливыми»[65]. Когда он стал императором, все переменилось: началась активная русификаторская политика в Прибалтийском крае, как водится в России, с перехлестами. Правда, он не решился лишить прибалтийских немцев владельческих прав на землю, но в 1888 г. провел в крае полицейскую реформу, а в следующем году — судебную, похоронив, таким образом, немецкий миф о непригодности русских законов для этих земель. Но Самарину не суждено было узнать о хотя бы частичном торжестве своих идей — он умер в 1876 г. В 1890-х годах «Окраины России», которые Самарин вынужден был издавать за границей, увидели свет на родине — они были напечатаны в Москве в Собрании его сочинений. Современные жители Прибалтики должны сохранять благодарную память об отважных защитниках их интересов в сороковых–семидесятых годах XIX в., ради них они шли на конфликт с собственным правительством и даже с самодержцем.

Примечания

[1] Сер. 1: Русское Балтийское поморие. Вып. 1. Прага: Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868; Сер. 1: То же. Вып. 2. Прага: Тип. д-ра Э. Грегра, 1868. Следующие выпуски печатались в Германии (в Лейпциге и в Наумбурге) в 1871–1876 гг. Книга вошла в состав VIII (вып. 1–3), IX (вып. 4–5) и X (вып. 6) томов «Сочинений Ю.Ф. Самарина» (М., 1890–1898).

[2] Правильно: Окраины России. См.: Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. М., 1955. Т. 3. С. 130–131.

[3] *Самарин Ю.Ф.* Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию) // Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. 103.

[4] Там же. С. 2.

[5] *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. Дополнение. С. 504.

[6] *Самарин Ю.Ф.* К читателю // Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. III.

[7] *Самарин Ю.Ф.* Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию) // Там же. С. 115.

[8] Там же. С. 83, 153.

[9] Там же. С. 4–5.

[10] *Аксаков И.С.* Полн. собр. соч. М., 1887. Т. VI. С. 15.

[11] *Самарин Ю.Ф.* Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию) // Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. 129.

[12] Письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 28.VII.1862 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 155, 447.

[13] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 2. 1865–1876 гг. С. 421–422.

[14] Письмо от 27.VII.1864 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина (1848–1876). СПб, 2016. С. 196.

[15] Справедливы ли толки о сепаратистических стремлениях Остзейского края // День. 1864. 7 нояб. № 45. С. 8–11. Подпись: Б...

[16] Письмо Ю.Ф. Самарина к И.С. Аксакову от 11(23).X.1867 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 239.

[17] Подробнее см.: Там же. С. 550.

[18] Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. VII.

[19] Письмо к Ю.Ф. Самарину от 21.IX.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 255.

[20] Письмо к И.С. Аксакову от 11(23).X.1867 г. // Там же. С. 239.

[21] Самарин Ю.Ф. Окраины России. Прага, 1868. Вып. 1. С. 186. Подробнее об этом см.: Михайлова Ю.Л. Славянофилы и остзейский вопрос (40–60 гг. XIX в.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 49–61.

[22] *Аксаков И.С.* Полн. собр. соч. М., 1887. Т. VI. С. 122.

[23] *Самарин Ю.Ф.* Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию) // Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. 103, 104, 106, 109, 110, 111, 113.

[24] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 2. 1865–1876 гг. С. 421.

[25] Москва. 1867. 14 нояб. № 179.

[26] Письмо от 29.XI.1867 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 245.

[27] Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. С. 133.

[28] Цит. по кн.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. Л., 1989. С. 32.

[29] Там же.

[30] *Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1997. С. 219.

[31] Там же.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Московские ведомости. 1868. 5 сент. № 191; 7 сент. № 193; 8 сент. № 194.

[35] Там же. 1868. 5 сент. № 191. С. 2.

[36] Письмо от 15.IX.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 254.

[37] См.: Москва. 1868. 10, 11, 13, 14, 18, 21, 23, 24, 25 сент., 8 и 15 окт.

[38] *Аксаков И.С.* Полн. собр. соч. М., 1887. Т. VI. С. 34, 57, 58.

[39] Письмо от 21.IX.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 255.

[40] Там же.

[41] Там же. С. 256.

[42] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. Т. 2. 1865–1876 гг. С. 437.

[43] Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб, 2005. С. 265.

[44] См. его письмо к дочери Е.Ф. Тютчевой // ЛН. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 341, а также письма И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 21.IX. и от 1.X.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 255, 257.

[45] Цит. по: Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 2. С. 503.

[46] См. письмо Ф.И. Тютчева к И.С. Аксакову от 29.IX.<1868> // ЛН. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 342, а также письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 1.X.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 257.

[47] Письмо к Е.Ф. Тютчевой от 8.XI.<1868 г.> // ЛН. Т. 97. Кн. 1. М., 1988. С. 471.

[48] Цит. по кн.: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати... С. 31.

[49] Никитенко А.В. Дневник. Т. 3. С. 133. Запись от 28.X.1868 г.

[50] Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 259.

[51] Там же.

[52] См. письмо Ю.Ф. Самарина к Д.А. Оболенскому от 7.XII.1870 г. // НИОР РГБ. Ф. 265. К. 36. № 4/1. Л. 491. Копия.

[53] См. передовую статью в «Московских ведомостях». 1868. 5 сент. № 191.

[54] Письмо от 29.IX.<1868 г.> // ЛН. Т. 97. Кн. 1. С. 343.

[55] Réponse de G.B. Behr (E. Bock). 1869. — 32 pp. [Ответ Ю. Самарина на письмо неизвестного из Баден-Бадена по поводу его брошюр: Окраины России, фр.]. На первой странице текста имеется указание на место и время написания: Moscou. Février 1869 (Москва, февраль 1869).

[56] *Самарин Ю.Ф.* К читателю // Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское поморие. Прага, 1868. Вып. 1. С. V, VI.

[57] *Самарин Ю.Ф.* Русское Балтийское поморие в настоящую минуту (как введение в первую серию) // Там же. С. 35, 37.

[58] Москва. 1868. 21 сент. № 136.

[59] См. письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 11–12.X.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 261.

[60] Москва. 1868. 13 авг. № 107.

[61] См.: Самарин Ю. Ответ гг. ф<он> Бокку и Ширрену по поводу «Окраин России». Berlin: B. Behr's Buchhandiung, 1870.

[62] Письмо И.С. Аксакова к Ю.Ф. Самарину от 11–12.X.1868 г. // Переписка И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина... С. 260.

[63] Окраины России. Серия первая. Русское Балтийское поморие. Berlin, 1871. Вып. III. С. V.

[64] Письмо цесаревича Александра к А.Ф. Тютчевой от 17.III.1867 г. // Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. Вып. 5. Часть 2. Уфа, 2013. С. 209.

[65] Там же.

Библиография

Михайлова Ю.Л. Славянофилы и остзейский вопрос (40–60 гг. XIX в.) // Отечественная история. 2007. № 5. С. 49–61.

Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX в. Л., 1989.

Notes

Aksakov I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849.* [Letters to Relatives. 1844–1849]. Moscow.

Aksakov I.S. (1887) *Poln. sobr. soch.* [Complete works] Moscow.

Aksakov Ivan Sergeevich. Materialy dlya letopisi zhizni i tvorchestva. Vyp. 5. Chast' 2. [Aksakov Ivan Sergeevich. Materials for the Chronicles of Life and Work. Instal. 5. Part 2]. (2013) Ufa.

Chicherin B.N. (1997) *Moskva sorokovykh godov* [The Moscow of the 40s]. Moscow.

Den'. 1864. November 7. № 45.

Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del: v 2 t. T. 2. 1865–1876 gg. (1961) [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 vol. Vol. 2. 1865-1876] Moscow.

Literaturnoe Nasledstvo T. 97. Kn. 1. (1988). Moscow.

Moskovskie vedomosti. 1868. September 5. № 191;

Moskovskie vedomosti. 1868. September 7. № 193;

Moskovskie vedomosti. 1868. September 8. № 194.

Moskva. 1867. November 14. № 179.

Moskva. 1868. September 21. № 136.

Moskva. 1868. August 13. № 107.

Nikitenko A.V. (1955) *Dnevnik: v 3 t.* [Diary: in 3 vol.]. Moscow.

Perepiska I.S. Aksakova i Yu.F. Samarina (1848–1876). (2016) [Correspondence between I.S. Aksakov and Yu. F. Samarin (1848-1876)]. Saint Petersburg.

Samarin Yu.F. (1868). *Ser. 1: Russkoe Baltiyskoe pomorie. Vyp. 1.* [Series 1: Russian Baltic Pomorye. Instal. 1]. Praga: Tip. d-ra F. Skreyshovskogo.

Samarin Yu.F. (1868) *Ser. 1: Russkoe Baltiyskoe pomorie. Vyp. 2.* [Series 1: Russian Baltic Pomorye. Instal. 2]. Praga: Tip. d-ra E. Gregra.

Samarin Yu. (1870) *Otvet gg. f<on> Bokku i Shirrenu po povodu «Okrain Rossii»*. [Answer to von Bock and Schirren Regarding "Outskirts of Russia"]. Berlin: B. Behr's Buchhandiung.

Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo. 1855–1879. (2005) [Notes of prince Dmitry Aleksandrovich Obolensky.1855-1879]. Saint Petersburg.

References

Mikhaylova Yu.L. (2007) Slavyanofily i ostzeyskiy vopros (40–60 gg. XIX v.) [Slavophiles and the Baltic Issue (the 40s - 60s of the 19th Century] *Otechestvennaya istoriya* 5: 49–61.

Chernukha V.G. (1989) *Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii pechati. 60–70-e gody XIX v.* [Governmental Policy towards the Press. The 60s – 70s of the 19th Century] Leningrad.

Поступила в редакцию
10.01.2017

Бакунцев Антон Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: auctor@list.ru

«ЕХАТЬ НАМ НЕ МИНОВАТЬ...»: И.А. БУНИН НАКАНУНЕ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ (1919–1920)

Цель данной статьи – рассказать об обстоятельствах отъезда И.А. Бунина на чужбину в начале 1920 г. Исследований на подобную тему в отечественном и зарубежном буниноведении до сих пор не было. Научная новизна работы обусловлена еще и тем, что в ней использованы доселе неизвестные документальные материалы, которые хранятся в Российском государственном военном архиве (РГВА, Москва).

Ключевые слова: *И.А. Бунин, Одесса, Балканы, эвакуация, эмиграция.*

Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Editing, Publishing and Information Science, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: auctor@list.ru

«WE WILL HAVE TO LEAVE ANYWAY...»: I.A. BUNIN BEFORE HIS EMIGRATION FROM RUSSIA (1919–1920)

The purpose of this article is to describe the circumstances of I.A. Bunin's departure abroad at the beginning of 1920. So far no research on this subject has been carried out in Russian and foreign Bunin studies. Besides, the author used the previously unknown documents stored in the Russian State Military Archive (Moscow). These two facts allow to speak about the scientific novelty of the work.

Key words: *I.A. Bunin, Odessa, the Balkan States, evacuation, emigration.*

Введение

Несколько лет назад пишущему эти строки довелось работать в картотеке Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Предметом наших разысканий были дела и отдельные документы, связанные с именем И.А. Бунина. Особый интерес вызвали карточки, отражающие «белогвардейский» – наименее изученный – период в биографии писателя. Карточки эти были заведены еще в ту пору, когда ГАРФ назывался Центральным государственным архивом Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. В них содержались ссылки на дела, числящиеся в фонде Канцелярии Штаба командующего войсками Новороссийской области (эти войска, являясь частью деникин-